

РЕЛИГИОЗНАЯ ЭКСПАНСИЯ ТУРЦИИ В ТАТАРСТАН В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Р.Р. Сулейманов

Институт национальной стратегии. Москва, ул. Садово-Кудринская, д. 25, офис 5-2.

.....

Турция рассматривает Татарстан как зону своих геополитических интересов в рамках концепции пантюркизма. С распадом СССР Анкара, укрепляя своё влияние в регионе, начала проводить активную политику в Поволжье. Одним из направлений этой политики в отношении Татарстана стала религиозная экспансия. Джамааты (исламские религиозные братства) из Турции направляли в Татарстан своих миссионеров. Это привело к тому, что часть мусульман Татарстана стала ориентироваться на Турцию и духовно подчиняться турецким шейхам. Власти в Татарстане относились благосклонно к религиозной интервенции Турции в исламскую умму республики. Идеологическое сближение с Турцией было частью внешнеполитической стратегии элиты Татарстана, которая после обретения суверенитета в начале 1990-х гг. видела в Анкаре естественного союзника. Турция выступала в роли «старшего брата» Татарстана, а религиозная сфера сотрудничества рассматривалась как один из факторов сближения двух тюркских республик. Огромное разнообразие джамаатов турецкого происхождения в Татарстане объясняется тем, что Анкара активно поддерживала религиозную экспансию в те регионы, которые она считает зоной своих интересов. Причём нередко те религиозные группы, которые находились в оппозиции к властям Турции внутри страны, охотно поддерживались Анкарой в их миссионерской деятельности за её пределами. Джамааты открывали в Татарстане школы, куда татарское население отдавало своих детей. В этих школах скрыто велась религиозная пропаганда, а власти Татарстана всячески опекали эти школы. Джамааты сумели создать свои ячейки по всей республике, а в 2013 г. муфтием Татарстана стал член джамаата «Исмаил ага» Камиль Самигуллин. В Татарстане активно и свободно распространяется религиозная литература из Турции. Религиозная экспансия Анкары укрепляет влияние Турции в Татарстане.

.....

Ключевые слова: Турция, Татарстан, исламские джамааты, «мягкая сила», «Исмаил ага», Гюлен, Саид Нурси, ислам.

Религиозное возрождение, начавшееся после распада СССР на постсоветском пространстве, охватило и российские регионы с компактно проживающим мусульманским населением. Не стала исключением Республика Татарстан, где процесс духовного ренессанса среди мусульман совпал с процессом регионального сепаратизма, получившего название «парад суверенитетов». В итоге ряд национальных регионов России пошел по пути провозглашения государственного суверенитета. Флагманом центробежного процесса внутри России был Татарстан, политическая элита которого стремилась к обретению независимости. Принятие декларации о государственном суверенитете 30 декабря 1990 г. и проведение 21 марта 1992 г. референдума о признании Татарстана «суверенным государством, субъектом международного права, ассоциированно с Россией», открыли для руководства этого региона возможности для начала выстраивания своей внешней политики.

В своём поиске внешнеполитических партнёров Татарстан был схож со многими тюркскими республиками Закавказья и Центральной Азии: их взоры были обращены к Турции, которая воспринималась как естественный союзник в обретении международного признания своей политической независимости. Официальной Казани было выгодно наладить зарубежные контакты, чтобы укрепить легитимность нового политического статуса Татарстана. Сближению Казани с Анкарой способствовала национально-конфессиональная близость населения двух республик. Турция виделась элите Татарстана в качестве своеобразного окна в зарубежный мир, причём не только мусульманский, но и западный, поскольку Анкара входит в военно-политический блок НАТО. Поэтому процесс усиления влияния Турции в Татарстане происходил при полной благосклонности Казанского Кремля, воспринимавшего Анкару в качестве «старшего брата» и примера для подражания.

Отметим, что сближение Казани и Анкары носило обоюдный характер. Для Турции такое сближение укладывалось в идеологию пантюркизма, основанного на идее объединения всех тюркских народов не только на этнокультурной основе, но и на политической платформе. На практике этот курс выразился в усилении роли Турции в регионах компактного проживания тюркских народов на всём пространстве Евразии [5, с. 153]. Внешнеполитическая экспансия Анкары на постсоветском пространстве затрагивала не только торгово-экономическую, но и общественно-политическую, религиозную и этнокультурную сферы.

За почти четверть века с 1991 г. инфраструктура влияния Турции в Татарстане расширилась и укрепилась. Основной упор делался на развитие торгово-экономических связей с Татарстаном. Сегодня на территории республики действует 280 турецких предприятий, а по объёму

иностранных капиталовложений в Татарстан Турция в 2015 г. занимала первое место, 26% от всего потока иностранных инвестиций. Самые крупные инвестиции размещены на территории особой экономической зоны «Алабуга» в Елабужском районе Татарстана, которая начала функционировать с 2005 г. Турецкий бизнес участвовал в строительстве заводов по штамповке крупноузловых деталей автомобилей «Джошкунуз-Алабуга», по выпуску листового стекла и зеркал «Тракья Гласс Рус», по производству деревянных панелей для мебели «Кастамону Интегрейтед Вуд Индастри», по производству пластиковых труб «Дизайн Рус», по выпуску санитарно-гигиенической бумажной продукции «Хаят Кимья» и др. Общий объём турецких инвестиций в экономику Татарстана в настоящее время составляет 1,5 млрд долл. США [13].

Торгово-экономические отношения между Анкарой и Казанью таят в себе не только позитивные моменты: российские экономисты отмечают, что «к числу потенциально опасных тенденций развития для регионов РФ следует отнести чрезмерную эксплуатацию тюркско-мусульманского фактора в ходе экономического сотрудничества Турции с регионами России. Поэтому весь комплекс экономических связей на региональном уровне нуждается в мониторинге как местных, так и центральных властей с тем, чтобы стимулировать его положительную составляющую и не допустить развитие нежелательных для РФ тенденций» [4, с. 181].

Турция укрепляла свои позиции в Поволжье и с помощью инструментов «мягкой силы», то есть через разные формы гуманитарного воздействия (через культуру, язык, систему образования, СМИ, религиозные институты и т.д.) с целью формирования комплементарного к себе отношения. Это укладывалось в идеологию неоосманизма, под которым подразумевается «неофициальная внешнеполитическая доктрина Турции по расширению сферы влияния на сопредельные территории посредством «мягкой силы», за счёт экономики, гуманитарного воздействия и наднационального духа» [2, с. 74]. В свою очередь бывшая советская партийная элита Татарстана с обретением государственного суверенитета для укрепления своих позиций была заинтересована в прочных отношениях с Турцией. Более того, идеология татарского национализма, позволившая советской номенклатуре в Татарстане сохранить свою власть, в своей основе была пантюркистской. Казань дорожит отношениями с Анкарой не только по причине инвестиций из Турции в Татарстан, но и по причине того, что идеологическая, политическая и религиозная экспансия Анкары на протяжении всего постсоветского периода осуществлялась последовательно и дала свои результаты. За четверть века свободных отношений и прямых контактов сформировалась целая инфраструктура влияния Турции в Татарстане: через создание сети научных, образовательных, культурных ор-

■ Турция в мировой политике и экономике

ганизаций, а также джамаатов, выполняющих роль духовного скрепления татар с турками.

Усилившееся значение внешнеполитической роли ислама во внешнеполитической стратегии Турции отмечают специалисты: «Деятельность турецкого политического ислама в 90-е гг. в сферах культуры, просвещения в Евразии была нацелена непосредственно на постсоветское пространство, на тюркские народы, исповедующие ислам. Последователи исламизма открыто обратились к насаждению сепаратистских идей в Российской Федерации и поощрению исламизма и пантюркизма в новых государствах Центральной Азии», – пишет турколог Николай Киреев [7, с. 230].

Религиозная экспансия Турции в умму (религиозную общину) Татарстана шла двумя путями: через заключение официальных договоров по линии Духовного управления мусульман Республики Татарстан и Управления по делам религии Турции (диянат), имеющего статус министерства в правительстве Турецкой Республики, и через сеть джамаатов, действующих как путём создания ячеек своих последователей, так и через легальное открытие учебных заведений. Примечательно, что первоначально духовное вторжение на территорию религиозного пространства Татарстана осуществляли именно джамааты, которые отличались большей самостоятельностью, манёвренностью и результативностью. Важно отметить одну деталь: многие из джамаатов у себя на родине в Турции могут находиться в состоянии конфликта с правительством, однако их деятельность за пределами страны, особенно по усилению влияния Турции, официальной Анкарой оценивается одобрительно. Такая ситуация сложилась вокруг джамаата Фетхуллага Гюлена (род. в 1941 г.), более известного как движение «Хизмет». Опасаясь возможного ареста после конфликта со светскими властями в Турции, Гюлен в 1999 г. переехал жить в США, в штат Пенсильвания. Но и в эмиграции Гюлен по-прежнему сохраняет влияние на своих последователей, и, хотя противостоит властям Турции, «деятельность секты за пределами Турецкой Республики признана правительством страны полезной с точки зрения реализации стратегических задач Турции и доктрины пантюркизма. С приходом к власти правительства Реджепа Эрдогана позиции Гюлена в тюркоязычных регионах значительно усилились» [15, с. 65].

Джамаат Гюлена одним из первых проник на территорию Татарстана. 28 мая 1990 г. с территории Турции в Грузию въехал караван автомашин в составе 37 человек с грузом книг, кассет и подарков (общий объём в 3т), посетив помимо Грузии и Азербайджана также и Казань [7, с. 231]. Бурные политические процессы в Татарстане открывали широкие возможности для турецкой агентуры влияния: турок встречали очень благожелательно. Вслед за вояжем гюленистов в Казань летом 1990 г. в составе группы турецкой интеллигенции прибыл глава Фонда

изучения тюркского мира «Туран», профессор Стамбульского университета Туран Язган, один из апологетов пантюркизма на рубеже XX–XXI вв. Он быстро наладил контакты с сепаратистскими организациями, возникшими в Татарстане в конце 1980-х – начале 1990-х гг., оказал им финансовую поддержку, охотно приглашал их лидеров, а также татарскую молодёжь в Турцию.

В 1991 г. в Казань приехал Камиль Демиркая, председатель «Общества Эртугрул Гази», входящего в движение «Хизмет» Гюлена. Расположив к себе чиновников Татарстана рассказами о том, что он потомок татарских эмигрантов, покинувших Поволжье после революции 1917 г. и сейчас настроен вернуться на историческую родину, он приступил к созданию сети татаро-турецких лицеев в Татарстане. Всего за 1992–1995 гг. было открыто 8 лицеев: 3 – в Казани, 2 – в Набережных Челнах и по одному – в Альметьевске, Бугульме и Нижнекамске. В 1997 г. Камиль Демиркая основал в Татарстане ЗАО «Просветительско-образовательное общество “Эртугрул Гази”» (Казань, улица Октябрьская, 23а) [8, с. 106], которое объединило под своим контролем все лицеи.

В 1990-е гг. гюленисты открыли свои лицеи не только в Татарстане, но и в других регионах России: в Бурятии, Москве, Хакассии, Туве, Карачаево-Черкессии, Астрахани, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Челябинске, Чувашии, Башкортостане (только в этой республике 4 лицеи). Как пишут исследователи, «придя на постсоветское пространство, движение Гюлена открыло свои учебные заведения и занялось долгосрочными инвестициями в перспективную молодёжь, стремясь формировать взгляды будущей элиты. В планы «Фетхуллахчилар» в России и странах СНГ входила подготовка людей, которые в будущем должны занять ключевые посты в экономике, науке и госаппарате» [6, с. 73]. Сеть турецких лицеев Гюлена появилась в Азербайджане, Центральной Азии и в Крыму в период нахождения полуострова в составе Украины.

В турецких лицеях применяется гендерный принцип обучения (лицей либо только для мальчиков, либо только для девочек), интернатская форма образования. Формально они сохраняют светский характер обучения. По отзывам родителей в них давалось качественное образование. Более того, в лицей принимали не только татар, но и русских детей. Однако на фоне внешне позитивного впечатления существовала неизвестная для непосвящённых форма вербовки в ряды джамаата. Религиозной агитации в открытой форме не практиковалось, гюленисты предпочитали вести свою пропагандистскую работу деликатно: начиная с 7 класса, из порядка 30 учащихся отбирали группу по 5–6 учеников, которых приглашали на частные квартиры, где их приобщали к совершению намазов, знакомили с учением духовного лидера Фетхуллага Гюлена. Конспиративность религиозного погружения обеспечивалась тем, что от учащихся настоятельно требовали не рассказывать об этом родителям

[12]. Школьники не видели в этом ничего дурного, старались по просьбе учителей держать всё в тайне. Вот как описывал эти явления тогдашний прокурор Татарстана: «В процессе расследования установлено, что классными преподавателями и воспитателями в интернате №4 Казани, №79 Набережных Челнов и №24 Нижнекамска... регулярно тайно на частных квартирах проводятся беседы — о загробной жизни, о том, что официальное понимание Корана в Татарстане является неправильным. Эти беседы рекомендуется держать в тайне» [3].

При этом и учителя, и школьники внешне вели себя как светские люди. Получалось так, что 70% учащихся лицеев не были в курсе, что остальные 30% ходят на частные квартиры для приобщения к учению джамаата. Многие выпускники лицеев в своих воспоминаниях отрицают факты религиозной вербовки, отмечая, что учителя не занимались этим, и они этого не замечали. В этом нет ничего удивительного, поскольку 2/3 учащихся служили прикрытием для учителей-гюленистов, которые ориентировались на 1/3 лицеев, выбранных в качестве мишени для приобщения к учению джамаата. Всех лицеев учителя делили на 5 уровней: 1-й уровень — обычные дети из обычных семей, ничем не примечательные, далекие от религии; 2-й уровень — дети, которые на уровне семейных традиций знакомы с исламом от бабушек и дедушек; 3-й уровень — дети, умеющие соблюдать ритуальную практику ислама; 4-й уровень — дети, которых знакомили с учением Фетхуллаха Гюлена для интеграции в джамаат; 5-й уровень — лояльные и преданные гюленовскому движению ученики. Задача преподавателей состояла в том, чтобы лучшие по успеваемости и самые способные дети к концу 11 класса достигли 5-го уровня и стали преданными членами джамаата. Как и в любой идейно сплочённой группе для джамаата характерна взаимовыручка: наиболее одарённых и способных адептов гюленисты продвигают по госслужбе и в сфере бизнеса, тем самым усиливая могущество джамаата, а за этим и влияние Турции. Не зря специалисты отмечают, что «в последнее время значительно возросла активность НКО на религиозном направлении, чему способствовал приход к власти в Турции Партии справедливости и развития» [11, с. 186]. Между правящей ПСР в лице Реджепа Эрдогана и джамаатом Гюлена противостояние носит открытый характер внутри Турции, но за её пределами цели правительства Эрдогана и гюленистов совпадают.

Одним из таких турецких религиозных НКО является гюленистская платформа «Диалог Евразия», созданная в 1998 г. и декларирующая своей целью «укрепление культурных, научных и духовных связей стран евразийского региона с тюркоязычным населением, осуществление деятельности, направленной на установление и развитие диалога между культурами и религиями» [11, с. 186]. В 2001 г. представительство плат-

формы «Диалог Евразия» (возглавляет Расим Хуснутдинов) было открыто в Казани; здесь же стал издаваться на русском языке печатный орган этой структуры – журнал «ДА» (Diyalog Avrasya). В работу платформы в Казани активно вовлекали татарскую интеллигенцию, журналистов, учёных, депутатов местного парламента, которые затем с похвалой отзывались как о журнале, так и о духовном лидере Фетхуллахе Гюлене.

В 2006 г. последователи Гюлена из числа преподавателей Российского исламского университета в Казани основали культурно-просветительский фонд «Призма», который занимался распространением литературы духовного лидера джамаата.

Понимание того, что турецкие благотворители не просто финансируют лицеи в России, а преследует определённые стратегические интересы, пришло к российским органам власти в начале 2000-х гг. К 2003 г. лицеи были закрыты во многих регионах кроме Татарстана, где их закрытию противятся местные власти. Учитывая претензии надзорных органов (многие турецкие учителя не имели дипломов), гюленисты начали постепенно менять педагогов-турок на татар, которые разделяли идеологию гюленизма. Несмотря на покровительство властей Татарстана, в 2007 г. под давлением Генпрокуратуры России при участии Федеральной миграционной службы и Министерства труда, занятости и социальной защиты РФ начались тщательные проверки этих учебных заведений. У многих турецких преподавателей выявили отсутствие дипломов о высшем образовании, была просрочена регистрация лицея или её вообще не существовало. Наконец, вполне справедливы упреки со стороны Минтруда РФ: для чего нужно трудоустраивать турок, когда в Татарстане много безработных местных учителей? В конечном счёте были депортированы 44 турецких педагога, остальные предпочли сами покинуть Россию (всего уехали 70 турецких учителей).

Но хотя турецкие преподаватели покинули лицеи, эти учебные заведения продолжили функционировать: к тому времени удалось подготовить учителей-татар, способных вести работу по гюленистской методике. Поэтому проблема турецких лицеев в Татарстане не была решена, те цели, ради которых эти учебные заведения были открыты гюленистами, продолжают реализовываться: выпускники, пополняя ряды истеблишмента в регионе, будут частью разветвлённой сети лоббистов интересов Турции [9, с. 111].

Сам джамаат Фетхуллаха Гюлена – это ответвление более крупного джамаата «Нурджулар», названного по имени его основателя – исламского проповедника Саида Нурси (1877–1960). После смерти Нурси его религиозный орден распался на 7 ветвей, из которых эмиссары трёх групп проникли на территорию Татарстана: упомянутые выше гюленисты, представители ветви Мустафы Сунгура (1929–2012) и ветви «Ени Азия» («Новая Азия»).

■ Турция в мировой политике и экономике

В 1992 г. в Казань приехал Байтулла Ямак, первый эмиссар «Нурджулар» ветви Мустафы Сунгура. Поселившись на частной квартире в Казани, он организовал ячейку своих последователей, куда входило до сорока человек [18, с. 13]. Вскоре из Турции на подмогу Ямаку прибыл Аджар Тахсин и отправился распространять учение «Нурджулар» в г. Набережные Челны. Тахсин сумел привлечь на свою сторону выпускника местного медресе «Йолдыз» Марата Таминдарова, который владел турецким языком и стал переводить книги Саида Нурси на русский и татарский языки. В условиях дефицита религиозной литературы об исламе эти книги пользовались огромным спросом, тем более, что распространялись они бесплатно.

На турецких эмиссаров начали обращать внимание российские правоохранительные органы: в 1999 г. Байтуллу Ямака был депортирован, но на его место в Казань из Набережных Челнов переехал Аджар Тахсин. В Набережных Челнах остался Марат Тамирданов.

Затем в Татарстан прибыл Чакыш Ферук, эмиссар другой ветви «Нурджулар» – ветви «Ени Азия» («Новая Азия»). Ему удалось основать две ячейки: одну – в Казани, вторую в Набережных Челнах, причём Ферук старался привлекать в ряды джамаата не только татар, но также мигрантов из Центральной Азии и Кавказа.

Вот как описывает функционирование ячеек «Нурджулар» исламовед Дамир Шагавиев: «Собрания её членов и сторонников происходят группами по 12–20 человек. Встречи групп проходят еженедельно под руководством одного из функционеров. В качестве мест проведения таких мероприятий, как правило, выбираются квартиры членов группы или пансионаты, где проживают старшеклассники и студенты, реже – офисы турецких фирм. В ходе собраний члены «Нурджулар» читают Коран на турецком языке, наставник трактует отдельные его положения, опираясь в основном на труды С. Нурси. Наряду с обсуждением религиозных вопросов, затрагиваются «житейские» проблемы, с которыми сталкиваются участники этих кружков, изучается турецкий язык» [17, с. 245–246]. Как отмечает религиовед Вероника Цибенко (Иванова), в книгах Саида Нурси, среди которых самой главной считается «Рисале-и-Нур» («Трактаты Света») – своего рода сборник комментариев к Корану в интерпретации Саида Нурси, «последовательно проводится ряд идей, ведущих к трансформации личности: отрешение от окружающего мира, вверение себя общине и служение её интересам вплоть до растворения личности, полной потери индивидуальности и критического мышления, готовность принять тюремное заключение или мученическую смерть. При этом в тексте трактатов заложены идеи необходимости и неотвратимости изменения общественного устройства через борьбу с атеизмом и безбожием, олицетворяемыми светским властями (Турции и России–СССР)» [16, с. 109].

«Нурджулар» отличается от прочих джамаатов тем, что её адепты активно работают не только с мужской, но и женской аудиторией. В женских ячейках важную роль играл институт наставниц. «Руководителем и главным идеологом женского движения была Накия Шарифуллина, которая воспринималась участниками движения не только как административный лидер, но и как живое воплощение «Рисале-и-Нур» [10, с. 259], – пишут о ситуации в Набережных Челнах исследователи. Стараниями Шарифуллиной ячейки «Нурджулар» были созданы не только в Татарстане (Елабуге, Нижнекамске, Лениногорске, Набережных Челнах, поселке Джалиль), но и в других регионах.

Первое уголовное дело на членов ячейки «Нурджулар» в Татарстане было заведено в 2005 г.: по нему прошли переводчик Марат Таминдаров и лидер женского движения «Нурджулар» Накия Шарифуллина. В 2006 г. было заведено второе уголовное дело по статье 239 УК РФ за создание организации, которая оказывает вред психическому здоровью. Обыски прошли в Татарстане, Москве, Махачкале, Санкт-Петербурге и в Красноярске. 21 марта 2007 г. Коптевский райсуд Москвы признал экстремистскими 14 книг Саида Нурси, а 20 апреля 2008 г. и организацию «Нурджулар», деятельность которой на территории России была запрещена. Отметим, что российские правоохранительные органы не разделяют «Нурджулар» на разные ветви (последователи Гюлена, Сунгура или «Ени Азия»), трактуя все как «Нурджулар».

После признания «Нурджулар» экстремистской организацией в 2008 г. Чакыша Ферука депортировали из России. Впрочем, джамаат к тому времени уже не нуждался в турецких наставниках: их функции выполняли татарские адепты.

В 2013 г. в Набережных Челнах состоялся третий судебный процесс по делу «Нурджулар»: на нём опять фигурировала Накия Шарифуллина и её ученицы.

«Нурджулар» не был единственным исламским джамаатом турецкого происхождения, проникшим на территорию Татарстана и обретшим последователей. Среди других религиозных групп можно выделить джамааты «Сулейманджилар», «Исмаил ага» и «Эренкёй».

Неосуфийское братство «Сулейманджилар» получило название в честь своего основателя, шейха Сулеймана Хильми Тунахана (1888–1959). Учение джамаата имеет мистический характер, поскольку его адепты поддерживают духовную связь с умершим шейхом. Это нетипично для суфийских братств, где обязательно наличие живого шейха в окружении своих учеников (мюридов). Перед своей смертью шейх одного из мюридов делает своим преемником. В случае с «Сулейманджилар» шейх Сулейман скончался в 1959 г., но его духовное лидерство не было унаследовано, поэтому последователи шейха приходят на его могилу и мысленно общаются с ним.

Подобно последователям Гюлена члены «Сулейманджилар» также стремятся к созданию своих учебных заведений по гендерному принципу. Эмиссар «Сулейманджилар» Озтюрк Музаффер прибыл в Татарстан в 1990-е гг., начав заниматься созданием школ интернатского типа. Этот джамаат сумел открыть в Татарстане три пансионата-интерната: два для мальчиков (в 1998 г. в Казани открылся пансионат «Ак умет»; в 2003 г. в Набережных Челнах начал работать пансионат «Хилал») и один для девочек (в Казани с 2001 г. функционировал пансионат «Зангар»). На школы «Сулейманджилар» надзорные органы обратили больше внимания, чем на лицей Гюлена, что во многом связано с чрезмерной закрытостью пансионатов последователей шейха Сулеймана. Кроме того, недовольство этими пансионатами высказывали даже родители: по их отзывам, у детей забирали сотовые телефоны, препятствуя свободному общению с родителями. Кроме того, проверки контролирующих органов выявили существенные нарушения санитарно-гигиенических норм содержания детей: отмечались случаи появления вшей у девочек из-за того, что от них требовали даже спать в хиджабах. В 2007 г. был закрыт «Хилал» в Набережных Челнах, в 2014 г. – пансионаты «Ак умет» и «Зангар» в Казани.

Джамаат «Исмаил ага», названный по одноименной мечети в Стамбуле, укрепил своё положение в Татарстане с приходом на пост муфтия Татарстана в 2013 г. члена этого исламского ордена Камиля Самигуллина. «Исмаил ага» является ультраконсервативным сообществом: женщины ходят в никабах, мужчины отращивают густые бороды, носят шаровары, как в Османской империи XVIII в. Возглавляет джамаат «Исмаил ага» 87-летний Махмут аль-Уфи. Принимая во внимание его возраст, перед орденом открыто стоит вопрос передачи духовной власти преемнику: «Главной проблемой джамаата в течение ближайших лет будет вопрос смены лидера – Махмут-эфенди уже стар и немощен ... человека уровня самого шейха в данный момент не наблюдается, что грозит джамаату взаимными распрями» [14, с. 183], – пишет турколог Ильшат Саатов. Наиболее вероятный преемник Махмута аль-Уфи – проповедник Ахмед Джубелли, придерживающийся достаточно радикальных взглядов. Камилю Самигуллину, ставшему муфтием Татарстана, удалось превратить расположенную в пригороде Казани мечеть Тынычлык в своего рода центр последователей «Исмаил ага» в Татарстане: там регулярно проходят сохбаты (соборания, на которых проходят нравоучительные беседы). При характеристике этого религиозного сообщества важно отметить одну деталь: когда 30 сентября 2015 г. Россия начала военную операцию в Сирии против ИГИЛ, джамаат «Исмаил ага» занял яркую антироссийскую позицию, в чём можно убедиться по публикациям на интернет-ресурсах духовного братства. Камиль Самигуллин оказался в двусмысленном положении: джамаат, к которому он относится, выступает

против России, а он должен быть лоялен российскому правительству. В отличие от некоторых более патриотически настроенных российских муфтиев (как глава ЦДУМ Талгат Таджуддин и муфтий Чуваши Альбир Крганов), Самигуллин не выступал с фетвами о поддержке военной операции в Сирии, а осудил террористов ИГИЛ, не высказывая солидарности с Россией.

Джамаат «Еренкёй» является одним из наиболее активных в России в плане издательской деятельности. Лидер джамаата – Осман Нури Топбаш (род. в 1942 г.). Переводом и изданием его многочисленных книг занимается московская издательская группа «Сад», выпускающая также на русском языке журнал «Золотой родник». В любом мусульманском книжном магазине при мечети в Казани можно обнаружить труды Топбаша, часть из которых признаны в России экстремистскими. Из мусульманского духовенства наибольшую благосклонность к Топбашу питает имам соборной мечети Марджани Мансур Залялетдинов, ректор Казанского исламского колледжа, где в учебном процессе используются книги шейха Османа Нури Топбаша. В 2013 г. Залялетдинов получал предостережения от прокуратуры Татарстана о недопустимости экстремистской деятельности за то, что в принадлежащем ему магазине продавались книги лидера джамаата «Еренкёй».

В 1990-е гг. по линии дияната Турция завозила массу дешёвых книг, изданных на татарском языке в Анкаре и Стамбуле: «Учимся читать Коран» (1993) Абдурахмана Кайя и Фарита Йосыфа, «Основы ислама» (1993) Мехмета Соймена, «Краткий справочник по чтению намаза» (1995) Хасана Арыкана, «Иллюстрированная книга намаза» (1998) Сейфетдина Язычы и др. В условиях дефицита религиозной литературы эти издания пользовались огромным спросом.

Диянат старался также укрепить влияние Турции в Татарстане среди мусульман через командирование коран-хафизов (профессиональных чтецов Корана), приезжающих в период священного месяца Рамазан для обучения татар и чтения Священной книги мусульман. Ежегодно до 30 коран-хафизов разъезжали по мечетям Татарстана. Подлинная цель подобных официально согласованных визитов (диянат на этот счёт имеет соглашение о сотрудничестве с ДУМ Татарстана) остаётся до конца не понятной, поскольку турецкие коран-хафизы могут собирать информацию по приходам о настроениях среди мусульман, вести пропаганду, вербовать себе сторонников. Известно что в 2015 г. коран-хафизы, прибывшие в Свердловскую область во главе с Мустафой Гундузом, были уличены в вербовке в мечетях местных жителей для отправки их в Сирию на «джихад». Смущает тот факт, что присылка коран-хафизов из Турции в Татарстан носит односторонний характер: неизвестен ни один случай, чтобы татарские коран-хафизы отправлялись в Турцию и их свободно пускали бы в мечети, они могли бы по целому месяцу про-

■ Турция в мировой политике и экономике

живать в Турции и вести миссионерскую работу аналогичную той, что ведёт турецкая сторона в Татарстане.

Таким образом, Турция влияет на мусульман Татарстана не только через свой государственный орган – диянат, но и посредством исламских джамаатов. Формируя в мусульманской общине Татарстана духовно ориентирующиеся на Турцию группы верующих, Турция ставит под вопрос лояльность последователей турецких джамаатов российскому государству.

Как отмечают исследователи, «Турция активно готовит протурецки настроенные элиты в регионах России, что с позиции перспективных целей РФ является недопустимым и несёт в себе угрозу её безопасности и территориальной целостности» [1, 8]. Начавшееся в России после событий 24 ноября 2015 г. замораживание турецкого присутствия во всех сферах жизни общества (от экономики до культуры и образования) наиболее болезненно воспринималось в Татарстане, где Анкаре за постсоветский период удалось

укрепить своё влияние, подготовив протурецки настроенное лобби в местной региональной элите. Протурецкие элементы среди местного истеблишмента в Татарстане стараются в СМИ представить замораживание отношений с Турцией как волюнтаризм Москвы, а порой даже как гонения на всё турецкое, а через это и на всё тюркское, в том числе на татарскую культуру.

За 25 лет постсоветского развития в результате успешной религиозной интервенции Турции в регионе сформировалась значительная группа верующих мусульман, которая больше дорожит своими связями с Турцией, чем с Россией. Мировоззренческие установки и духовные ценности определённой части татарского населения оказались под влиянием Турции. Длительное время на это обращали недостаточно внимания, и лишь начавшаяся холодная война с Турцией, причиной которой послужил обстрел российского боевого самолёта турецкими военными в небе над Сирией, дала повод приглядеться к этому процессу.

Список литературы

1. Аватков В., Бадранов А. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России // Право и управление. XXI век. 2013. №2 (27). С. 5–10.
2. Аватков В. Неосманнизм. Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. №3 (1645). С. 71–78.
3. Бегимбетова И. Татаро-турецкая тяжба дошла до татарстанских депутатов // Коммерсант, 22.05.2008.
4. Волкова С.Л. Экономические отношения Турции с субъектами Российской Федерации (Северный Кавказ, Поволжье, Урал): Дис. ... к-та эконом. наук: 08.00.14. Москва, 2005. 231 с.
5. Егоров В.К. Российско-турецкие отношения и фактор третьих сил // Турция в XX веке: сборник статей / Институт востоковедения РАН; отв. ред. Е.И. Уразова. М.: Академия гуманитарных исследований, 2004. С. 140–155.
6. Иванов В.В. Движение Фетхуллаха Гюлена в России и странах СНГ // Мусульманский мир. 2014. №3. С. 49–82.
7. Киреев Н.Г. Исламо-турецкий синтез в государственной идеологии Турции // Нации и национализм на мусульманском Востоке / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2015. С. 229–240.
8. Конференция «Саид Нурси и нурсизм в России и Татарстане: идеология, распространение, конфликтный потенциал» // Мусульманский мир. 2014. №2. С. 106–107.
9. Конференция «Турецкое влияние на постсоветском пространстве» // Мусульманский мир. 2014. №3. С. 106–121.
10. Кудашов В.И. Излученко Т.В. Идеологические предпосылки исламского молодежного радикализма // Современные системы безопасности – Антитеррор: материалы конгрессной части X специализированного форума (28–29 мая 2014 г.) / отв. ред. А.В. Букарин. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2014. С. 252–262.
11. Мысин С.В. Использование иностранными государствами некоммерческих организаций в реализации своих внешнеполитических планов в отношении Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. №1. С. 183–189.
12. Постнов Г. Турецкие скрепы татарских мусульман // Независимая газета, 04.12.2015.
13. Ренкова Т. Рустам Минниханов сказал свое слово по турецкому бизнесу в Татарстане // "РБК-Татарстан", 22.12.2015. Режим доступа: <http://rt.rbc.ru/tatarstan/22/12/2015/56783a1f9a7947572d64679d> (дата обращения: 29.03.2016).
14. Саатов И.Г. Джамаат «Исмаил ага» в общественной жизни Турции: религиозные, политические и институциональные характеристики // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке (Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние мусульманские районы). М.: ИВ РАН, Крафт+, 2014. С. 178–184.

15. Турция: новая роль в современном мире. М.: ЦСА РАН, 2012. 80 с.
16. Цибенко (Иванова) В.В. Основные особенности деятельности последователей Саида Нурси (Нурджулар) // Сектоведение. 2014. Т. IV. С. 102–111.
17. Шагавиев Д.А. Религиозные течения и группы в исламе. Набережные Челны: Духовно-деловой центр «Ислам нуры», 2014. 294 с.
18. Якупов В.М. Неофициальный ислам в Татарстане. Казань: «Иман», 2003. 32 с.

Об авторе

Раис Равкатович Сулейманов – эксперт Института национальной стратегии. E-mail: kazan-risi@mail.ru.

RELIGIOUS EXPANSION OF TURKEY IN TATARSTAN IN THE POST-SOVIET PERIOD

R.R. Suleymanov

Institute of National Strategy. 123001, Moscow, Sadovo-Kudrinskaya Street, 25, office 5-2.

Abstract: Turkey considers Tatarstan a sphere of its geopolitical interests in the framework of pan-Turkism concepts. With the collapse of the USSR Ankara began to pursue an active policy in the Volga region, strengthening its influence there. One of the Turkish policies towards Tatarstan became religious expansion. Islamic Jamaat of Turkey sent its missionaries to Tatarstan. This led to the fact that some Muslims of Tatarstan began to focus on Turkey and the spiritually obey Turkish sheikhs. Authorities in Tatarstan treated religious intervention of Turkey in the region favorably. The ideological rapprochement with Turkey was a part of the foreign policy strategy of Tatarstan elite that after gaining independence in the early 1990s saw in Ankara a natural ally. Turkey acted as a "big brother" for Tatarstan. The religious sphere of cooperation was seen as one of the factors bringing the two Turkic republics together. A huge variety of Turkish Islamic jamaats in Tatarstan is due to the fact that Ankara has actively supported the religious expansion in those regions that are a zone of its interests. And often those religious groups that were in opposition to the Turkish authorities inside Turkey, are supported by Ankara outside the country in their missionary work.

Key words: Turkey, Tatarstan, Islamic Jamaats, "soft power", "Ismail aga", Gulen, Said Nursi, Islam.

References

1. Avatkov V., Badranov A. «Myagkaya sila» Turzii vo vnutrenney politike Rossii [Turkey's «soft power» in the internal policy of Russia]. Pravo i upravlenie XXI vek, 2013, no.2 (27), pp. 5–10. (In Russian).
2. Avatkov V. Neosmanism. Bazovaya ideologema i geostrategiya Turzii [Neo-Ottomanism. Basic ideologem and geostrategy of Turkey]. Svobodnaya misl', 2014, no. 3 (1645), pp. 71–78. (In Russian).
3. Begimbetova I. Tataro-turezkaya tyagba doshla do tatarstanskikh deputatov [Tatar-Turkish litigation reached Tatarstani deputies]. Kommersant, 22.05.2008. (In Russian).
4. Volkova S.L. Economicheskiye otnosheniya Turzii s sub'yektami Rossiyskoy Federatsii (Severniy Kavkaz, Povolg'e, Ural) [Economic relations between Turkey and regions of Russian Federation (North Caucasus, the Volga region, the Urals)]. Phd. Diss. (Economics). Moscow, 2005. 231 p. (In Russian).
5. Egorov V.K. Rossiysko-turezkie otnosheniya I factor tret'ih sil [Russian-Turkish relations, and the factor of the third forces]. Turziya v XX veke: sbornik statey [Turkey in the XXth century: a collection of articles]. Institut vostokovedeniya RAN; Ed. by E.I. Urazov. Moscow, The Academy of Humanitarian Studies, 2004, pp. 140–155. (In Russian).
6. Ivanov V.V. Dvigenie Fethullaha Gulena v Rossii I SNG [Fetkhullah Gülen Movement in Russia and CIS countries]. Musulmanskij mir, 2014, no. 3, pp. 49–82. (In Russian).
7. Kireev N.G. Islamo-turezkij sintez v gosudarstvennoy ideologii Turzii [Islam-Turkish synthesis in the state ideology of Turkey]. Nazii I nazionalizm na musulmanskom Vostoke [Nation and nationalism in the Muslim East]. Ed. by V.Y. Belokrenitsky, N.Y. Ulchenko; Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies. Moscow, 2015. Pp. 229–240. (In Russian).
8. Konferenciya «Said Nursi I nursizm v Rossii I Tatarstane: ideologiya, rasprostranenie, konfliktniy potencial» [Conference "Said Nursi and Nursism in Russia and Tatarstan: ideology, distribution, potential for conflict"]. Musulmanskij mir, 2014, no. 2, pp. 106–107 (in Russian).

■ Турция в мировой политике и экономике

9. Konferenciya «Turezkoye vliyanie na postsovetskom prostranstve» [Conference "Turkish influence in the post-Soviet space"]. Musulmanskiy mir, 2014, no. 3, pp. 106–121. (In Russian).
10. Kudashov V.I., Izluchenko T.V. Ideologicheskiye predposilki islamskogo molodegnogo radikalizma [The ideological background of the youth of the Islamic radicalism]. Sovremenniyе sistemi bezopasnosti – Anti-terror: materialy kongressnoy chasti X spetsializirovannogo foruma (28–29 maya 2004 goda). otvetstvenniy redactor A.V. Bukarin [Modern security systems – Anti-terror: materials congress of the X specialized forum (May 28–29, 2014). Ed. by A.V. Bukarin]. Krasnoyarsk, 2014. Pp. 252–262. (In Russian).
11. Misin S.V. Ispol'sovaniye inostrannimi gosudarstvami nekkommercheskih organizaziy v realizatsii svoih vneshnepoliticheskikh planov v otnoshenii Rossiyskoy Federatsii [The use of foreign states NGO in the implementation of its foreign policy plans for the Russian Federation]. Srednerusskiy vestnik obshchestvennih nauk. 2014, no. 1, pp. 183–189. (In Russian).
12. Postnov G. Turezkiye skrepi tatarskih musulman [Turkish ties of Tatar Muslims]. Nezavisimaya gazeta. 04.12.2015. (In Russian).
13. Renkova T. Rustam Minnikhanov skazal svoye slovo po turezkomu biznesu v Tatarstane [Rustam Minnikhanov has spoken in the Turkish business in Tatarstan]. RBK-Tatarstan, 22.12.2015. Available at: <http://rt.rbc.ru/tatarstan/22/12/2015/56783a1f9a7947572d64679d> (Accessed 29.03.2016). (In Russian).
14. Saetov I.G. Jamaat «Ismail aga» v obshsestvennoy zhizni Turzii: religiozniye, politicheskiye i institutsionalniye kharakteristiki [Jamaat "Ismail aga" in Turkish public life: religious, political, and institutional characteristics]. Gosudarstvo, obshsestvo. Megdunarodniye otnosheniya na musulmanskom Vostoke (Afganistan, Iran, Pakistan, Turziya, etnicheskiy Kurdistan, sosedniye musulmanskiye rayoni) [State, society, international relations in the Muslim East (Afghanistan, Iran, Pakistan, Turkey, ethnic Kurdistan neighboring Muslim regions)]. Moscow, Kraft+ Publ., 2014. Pp. 178–184. (In Russian).
15. Turziya: novaya rol' v sovremennom mire [Turkey: a new role in the modern world]. Moscow, 2012. 80 p. (In Russian).
16. Tsibenko (Ivanova) V.V. Osnovniye osobbennosti deyatel'nosti posledovateley saida Nursi (Nurdgular) [The main features of the activities of the followers of Said Nursi (Nurdzhular)]. Sektovedenie, 2014, vol. IV, pp.102–111. (In Russian).
17. Shagaviev D.A. Religiozniye techeniya i gruppi v islame [Religious movements and groups in Islam]. Naber-ezhniye Chelny: Spiritual and Business Center "Islam Nury" Publ., 2014. 294 p. (In Russian).
18. Yakupov V.M. Neofizial'niy islam v Tatarstane [Unofficial Islam in Tatarstan]. Kazan: «Iman» Publ., 2003. 32 p. (In Russian).

About the author

Rais Suleymanov – Expert of Institute of National Strategy. E-mail: kazan-risi@mail.ru.